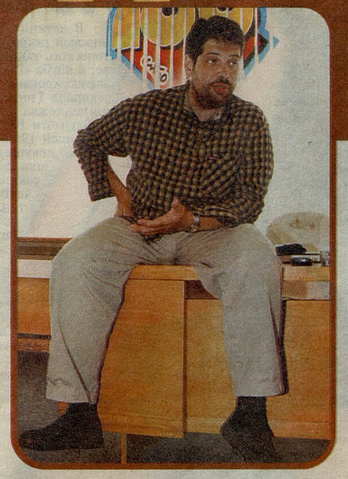
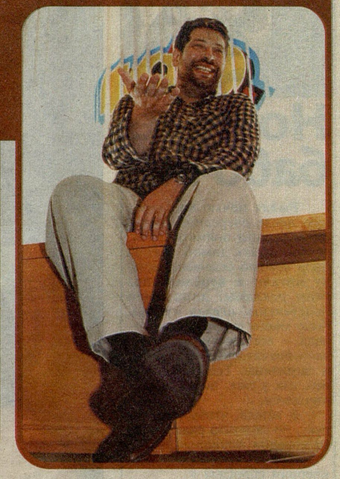
александр гуревич: если телевидение — искусство, то я литовец!

Телевидение — по крайней мере, в России — породило один странный феномен: человек, «светящийся» в кадре — пусть хоть в качестве диктора, — стал здесь восприниматься не просто как кумир нации, но как учитель жизни. Он ведет себе программу «Я и мои пальчики», «Собаку оближешь», «Я сама режиссер» или что-нибудь в этом роде — а к нему корреспонденты толпами бегут с вопросами о смысле всего. Но когда появился Гуревич со своими «Устами младенца», главное его отличие от большинства отечественных телеведущих состояло именно в том, что с этим человеком разговаривать хотелось. И когда он взялся за шоу «Сто к одному» — оно окрепло. Не только потому, что он пришел из КВН и зарекомендовал себя той еще язвой; не только потому, что стал одним из руководителей «Видео Интернешнл», о котором говорили много прекрасного и ужасного. По тому, как он ведет себя в кадре и иногда проговаривается, видно было, что круг его размышлений (да и занятий) телевидением далеко не ограничивается. А еще приятно было смотреть на его отношение к игрокам — уважительное, подначивающее и временами откровенно издевательское. Мне нравится такое сочетание.





ДМИТРИЙ БЫКОВ.
МАКСИМ БУРЛАК (фото)

Глава первая, в которой автор вынужден выгрывает телевизор

— Скажи, а «Устами» — проект безнадежно устаревший? Его воскрешать не собираются?

— Видишь ли, если б он надоел мне одному — еще ладно, я бы что-то придумал, поменяли бы ведущего, в конце концов... Лучше всего женщину бы позвать, чтобы избежать ненужных сравнений. Мы готовы были менять формат, сценарий, вообще всячески обновляться — но ни один канал не заинтересовался «Младенцами».

— Мне их не хватает.

— А это понятно, поскольку детей этого возраста — от пяти до восьми — ты на экране сегодня практически не видишь. А происходит это потому, что дети требуют очень специального подхода. Объясняйки, угадайки и прочие хохотушки занимали на экране сорок секунд, а снимались сутками.

— Увидев тебя в новом проекте «О.С.П. представляет замечательных людей», — я от души порадовался, как ты там оттягиваешься. Нет желания сделать собственную программу, где можно было бы вот так резвиться по полной, переодеваться, импровизировать черт-те что?

— Участие в этом проекте «О.С.П.» — вообще трагическая страница моей биографии. Хотя чтобы про это рассказать, надо сделать большой крюк в сторону программы «Большой вопрос». Которую ты наверняка не видел, потому что, как все журналисты, самоупоен, поверхностен и не уважаешь чужого труда.

— Я зато наслышан.

— Сейчас ее рейтинг повысился... Это дорогая и амбициозная программа, которую я люблю больше всего из своих нынешних занятий: прежде всего потому, что она не лицензионная. В основе — наша оригинальная идея, довольно азартная, игра идет всерьез. Состоит она в заключении пари между нашими гостями. Сейчас сыграем. (*Нагибается к фотографу Бурлаку, лежащему на полу и снимающему его снизу.*) Молодой человек! Вас Максимом зовут? Оторвитесь от камеры, играем в «Большой вопрос». Сколько сосков у холмогорской коровы?

— В смысле сисек?

— Ну, это разница терминологическая. Если тебе нравятся «сиськи», пусть будут.

— Четыре.

— А вы, Максим, как считаете?

Бурлак (мучительно соображая): — Две не может быть, три мало — пять, я думаю.

— Уверены?

Бурлак: — Ну.

— Спорьте. Допустим, вы спорите на телевизор. Телевизор представили? Отлично. Ударяем по рукам. Я разбиваю. Вводят корову, настоящую. Корову представили? Считаем соски. Выиграл Быков. На самом деле их действительно четыре. Бери телевизор.

Глава вторая, в которой Свиридова залезает на канат

— И что, вы в самом деле вводите всех этих коров и прочие рояли в кустах?

— Господи, какие все зрители одинаковые! Наш зритель тоже не верит, что мы все это проделываем действительно. Надо будет — мы слона приведем. У нас уже был вопрос: можно ли, прыгнув с вертолета, попасть ногами в валенки?

— С парашютом прыгнув?

— Good question. Без парашюта попадание в валенки теряет смысл для попадающего, он не успеет обрадоваться. И мы действительно обрасывали человека, и он действительно попал. Больше того: ты помнишь, как Одиссей, вернувшись на Итаку, удостоверил свою личность?

— Пустил из лука стрелу, насквозь пролетевшую двенадцать колец.

— Хоть это знаешь, слава тебе Господи. Мы поставили двенадцать колец (у Гомера диаметр не указан, сделали восемь сантиметров) и пригласили чемпиона России по стрельбе из лука. Дали ему три попытки. Задали спортцикам вопрос: возможно такое, хотя бы в теории? Публика не верила. Он пробил все двенадцать колец с первой попытки. Да что лук, мы взяли книгу мемуаров великого хоккеиста Старшинова и прочли там, что Бобров да и сам Старшинов в молодости якобы могли с центра поля попасть шайбой в десятисантиметровый зазор, шайба причем на ребре стоит — иначе застрянет. Нам показалось, что это уж точно невозможно. Позвали Старшинова, вывели его на лед, дали клюшку — он потренировался, пристрелялся... Зазор у нас был между двумя листами фанеры. Для съемки мы заменили их на стекло, чтобы было эффектнее, когда промахнется. Но он попал.

Мы вообще вопросы стараемся придумывать позрелищнее, ну и соответственно наказание для проигравших посерьезнее. Проигравший должен отработать своего рода фант, довольно изощренный. Кортнев у нас полдня работал носильщиком на Курском вокзале, настоящим носильщиком, с тележкой. Свиридова должна была шесть уроков физкультуры дать в школе, все старшеклассники бегали смотреть, как она по канату лазила. А Тане Лазаревой досталось полдня бегать официанткой в кафе, что ее, конечно, напрягло. Народ же ее знает, интересуется, как она дошла до жизни такой... И она мне типа отомстила — позвала в «Жизнь замечательных людей». Ужас начался в конце, когда я уже думал, что все позади: там я должен был висеть над площадкой, как бы прощаясь и благословляя всех. Привели циркового человека с лонжей, меня пристегнули, подвесили... и так восемь дублей. Как я не остался после этого импотентом — не знаю.

— За что они тебя подвесили?

— А ты не знаешь, как крепится лонжа? В общем, если и оттянулся, то вполне буквально. С Лазаревой мы в расчете.

Глава третья, в которой герой придумывает себе лесных братьев

— Саш, я давно хотел тебя спросить: вот у тебя, мягко говоря, довольно типичный экстерьер и соответствующая фамилия. Ты ведь еврей?

— Да, еврей. При этом я на четверть литовец, на четверть русский, но из духа противоречия считаю себя евреем. И что?

— И как ты себя в этом качестве ощущаешь на телевидении? Считается же, что Россия — страна скрытого антисемитизма, а ты у нее ходишь в любимцах.

— Знаешь, я не единственный еврей, ходящий в любимцах у России. Хотя применительно ко мне тут есть некое преувеличение... Но ни в одной другой стране мира я не чувствовал себя столь органично. Даже в Израиле. При этом литовская четверть дает себя почувствовать не менее явно, чем еврейская половина. Тем более что я Близнец по гороскопу и обязан разрываться между крайностями — это самое естественное мое состояние. Например, при всей своей говорливости и бурном распорядке дня я в душе скорее ленив. Люблю спать, тихо лежать с книжкой, сидеть дома с дочерью — вполне литовские досуги. Хотя об этой своей родне я не знаю почти ничего: моего литовского дедушку семья потеряла в тридцать седьмом, и бабушка мне никогда о нем не рассказывала. У нас в этом смысле уникальный менталитет: во всем мире люди боятся фактов, а мы — умолчаний. Главные события в нашей истории, столь многократно переписанной, — это опять-таки не факты, а лакуны, в которых предполагалось самое страшное. В результате я уже сравнительно взрослым человеком нашел в старом чемодане несколько фотографий литовского деда в окружении мрачных скуластых людей с глубоко посаженными глазами. Эти люди с фотографий очень мне напомнили героев фильма «Никто не хотел умирать». Никак не «красные стрелки» — скорей уж лесные братья. Такого я домыслил себе деда.

Значит, еврей ли я — я тебе ответил. Переходим к вопросу о животном масле. (См. «Золотого теленка».)

— Переходим. Ты упомянул о рейтингах. Веришь им?

— А чему еще верить?

— Все рейтинги расходятся и, следовательно, врут.

— Не знаю. Я верю Гэллапу... Вообще самый надежный показатель — так называемая доля, то есть твой процент аудитории, у которой в данный момент был включен телевизор. С этим приходится считаться — реклама ведь смотрит только на рейтинг.

— Так в том-то и ужас, Саша! Не может рекламодатель решать, какой программе быть, а какой нет.

— Значит, так. С представлением о том, что телевидение — это искусство, придется покончить в самое ближайшее время. Телевидение — это бизнес. Способ зарабатывания денег. Искусством оно является максимум на четверть, ровно в той же мере, в какой я являюсь литовцем.

— Но от рекламы же тошнит уже, ты понимаешь, что скоро терпение зрителя попросту лопнет и он вообще выбросит ящик?

— В Америке рекламы вдвое больше, и ничего, знаешь, не выбрасывают они свои ящики! Скажу тебе сейчас совершенно непрофессиональную вещь, по идее драть надо за такие признания: сам я лишен возможности многое смотреть из того, что мне нужно по работе. Жена мне записывает на видео. Когда доходит до рекламы, я с садистским наслаждением ее перематываю! Всю! И девяносто процентов аудитории действительно мечтают о такой возможности. Но телевидение может существовать только за счет рекламы, и зарубите это себе на носу, и перестаньте огорчаться, что ее много! Благодарить судьбу надо, что кто-то производит продукты и хвалит их по телевизору. Не то бы весь рафинированный канал «Культура», столь мною любимый и от рекламы принципиально свободный, давно уже прекратился со всеми своими элитными фильмами.

— Есть хоть одна рекламная кампания, которую ты — все-таки с рекламы начинавший — можешь назвать удачной?

— Да полно. «Толстяк» с ужасно смешным Семчевым. Кетчуп «Моя семья» с ужасно смешным народом.

— Если вы все и дальше будете исходить из вкусов рекламодателя, у нас будет именно такой народ.

— И что? Ты предлагаешь рекламировать кетчуп, демонстрируя первый бал Наташи Ростовой? Телевидение — это рекламная площадь с небольшими содержательными паузами. Плюс инструмент политического манипулирования, но к этому я надеюсь никогда не иметь отношения.

— Ну, отношение-то иметь ты обречен. В «Видео Интернешнл» вместе с тобой работал Лесин, одна из ключевых фигур позднеельцинских и раннепутинских времен. Как ты к нему относишься, кстати?

— Я не хочу оценивать Михаила Юрьевича как политика. Я Миши знаю как человека, и есть один эпизод, который он, наверное, забыл сто раз, а я никогда не забуду. В девяносто третьем мы с женой впервые поехали в отпуск за границу, в Израиль. Наш двухлетний ребенок остался у бабушки, моей тещи. Когда начали стрелять в «Останкино» и пошли московские беспорядки, Лесин позвонил моей теще и сказал: если вам нужна моя помощь, я приеду немедленно. Вот все мои телефоны, по которым вы всегда сможете меня вызвать. Не забывай, опасность переворота тогда была много реальней, чем в девяносто первом. Он был единственным, кто позвонил и предложил помощь. Не люблю пафоса, пафоса и не будет, но такие вещи для меня сразу переводят человека в определенный разряд.

Глава четвертая, в которой Гуревич прощается с иллюзиями

— В основном ты работаешь для РТР. После прихода Добродеева там многое изменилось?

— Добродеев — человек, несущий на себе огромный груз. Он обременен репутацией телевизионного гения. Пока еще он ничем ее не подорвал, ни разу не взялся за безнадежный проект, а берясь за проект рискованный — такой, как вывод государственного канала на новый уровень, — требует, естественно, по максимуму. У него мания совершенства, как зрителя меня это устраивает, как профессионала ставит в ситуацию трудную.

— Но вот ты смотришь «Вести» добродеевских времен — и не возникает ли у тебя ощущение, что их передают из какой-то другой страны? Что это новости очень оптимистические на самом деле?

— Да, возникает. И что? Мне до зеленых чертей надоело жить в самой неустроенной, несчастной, непредсказуемой и прочая стране. Я слышать больше этого не могу. Я устал бояться информационных программ. И я действительно совершенно искренне не знаю, хорошо это или плохо — когда много хороших новостей. Кроме того, население наше столько всего повидало за последнее время, что оно с ума сойдет, если ему не с чем будет себя соотносить. Если на пути не будут расставлены какие-то маячки, обозначающие хотя бы вектор движения. Это не значит, что идеология становится обязательной к исполнению. С ней можно бороться, ненавидеть ее. Но надо хотя бы знать, что она собой представляет.

— А не происходит ли в самом деле вполне очевидного ограничения свобод, сужения зазоров? Ты не хочешь, конечно, лезть в политику, но...

— Почему, я не собираюсь уходить от ответа. Просто этот вопрос дергает меня за самую болезненную нитку, вот за эту ложку из «О.С.П.» — потому что во мне, помимо русских генов с их специфической памятью, есть литовские и еврейские с памятью просто погромной, ссыльной... Я боюсь любой несвободы, не только русской. Америка — чрезвычайно несвободная страна. На американском телевидении ты можешь сколько угодно хохмить о том, как президент почесывается или питается в словах, но критиковать его всерьез тебе не даст ни один крупный канал. В Европе господствует полицейское государство, припарковаться негде, люди на велосипедах ездят. Доносительство всеобщее, сосед шпионит за соседом. Так свободны, как были мы в девяносто первом году, не был никто и никогда. Я помню себя буквально пьяным от этого, я скакал вокруг Белого дома в августе девяносто первого. Вот мы с тобой разговариваем накануне десятилетия того путча, и я не верю, что я — скакал!

Да, будет именно сужение зазоров. Будет установление правил, потому что без правил уже наигрались. Сугубо западный путь. И он не может не ограничить твоей свободы, потому что и правила дорожного движения ограничивают ее. Ничего, попадать шайбой в десятисантиметровый зазор гораздо почетнее, чем лупить в белый свет.

Я человек совершенно без иллюзий, говорю это о себе с полной ответственностью. Я циник. Противный циник. Нет во мне никакой романтики. Но на меня можно полагаться, я держу слово и не подставляю партнеров. Я не опаздываю, а если опаздываю на пять минут, звоню. За это я, может быть, расплатился полной неспособностью ночами вести прекраснодушные разговоры.

— А между тем первая половина восьмидесятых была, по-моему, временем куда более интересным, чем собственно перестройка. Все копилось, зрело. Был уже и Кнышев, и редакция иновещания, и надежды...

— Кнышев — наиболее полное выражение того времени. «Веселые ребята». Он сутки мог монтировать тридцатисекундный эпизод. У него критерий один — близко к вечности или нет. То, что он тогда делал, оказалось близко к вечности. Но я не стал бы на твоем месте идеализировать то время: оно действительно жило надеждами, это верно, и только этими надеждами было прекрасно. А лучше перестройки оно кажется потому, что предвкушение всегда лучше осуществления. И телевидение перестроечное, кстати, кажется лучше прежнего только по причине шока от его смелости, который тогда испытывало все зрительское поголовье. Я в том числе. Качество телевидения по-настоящему выросло именно сейчас.

— А смелость? Порядочность?

— А смелость и порядочность теперь у каждого должны быть свои.

Глава пятая, в которой Саша вспоминает о шнурках Гагарина

— Вообрази, что у тебя есть свободные деньги и возможность снимать любую программу по собственному вкусу. Что ты руководитель большого проекта. Что бы это было?

— Ну, в некотором смысле я и есть руководитель — худрук такого подразделения «Студия 2В». Возглавляет его Татьяна Воронович, генеральный продюсер — Давид Кеосаян (старший сын постановщика «Мстителей» и старший брат постановщика «Бедной Саши»), а я, значит, художественно руковожу. И осуществить свою мечту я как раз попытался в рамках «Большого вопроса»: вот, например, заключаем мы такое пари. Помнишь, как Гагарин шел докладывать Хрущеву и у него шнурок был развязан?

— Кто ж не помнит.

— На левом ботинке или на правом?

— На правом.

— Проиграл, на левом. Так вот, мне во время программы захотелось порассуждать с залом о том, какой это на самом деле гениальный пиаровский ход! Ты представляешь — если бы кто-то нарочно додумался развязать ему ботинок, этот человек был бы суперпрофессионалом. Потому что нет лучшей детали, чтобы подчеркнуть земную природу Гагарина. Он вернулся из космоса собой, точно таким же земным, каким туда улетел, даром что получил звание через две ступеньки и стал Героем Советского Союза, кумиром земного шара. И — шнурок! Вот иногда мне хотелось бы так с залом поговорить. Но зрительские опросы показывают, что это провис по времени, темп игры теряется. Так что пока я себе такого позволить не могу. Если бы делал собственный проект — это было бы что-то близкое к моей любимой «Старой квартире» на АТВ.

— Скажи, вот тебе много приходится общаться с богатыми людьми. С теми же рекламодателями. С телемагнатами. Это правда, как писал тут один классик, что «богатые не такие люди, как мы»?

— Богатые очень разные все. Но вообще да, есть черты, отличающие их принципиально. Меня познакомили лет пять назад с одним человеком, вернувшимся большими деньгами и делами с криминальным привкусом...

— У вас были общие проекты?

— Да боже упаси, знакомство в компании на уровне здрасьте-здрасьте. Но я был по-настоящему поражен, как прямо звенел, напрягался воздух в его присутствии. Невероятное энергетическое поле. Сейчас он, наверное, или очень богатый человек... или не существует уже. Но богатые наши, во-первых, энергичнее так называемого среднего класса — которого, правда, никто никогда не видел, — а во-вторых, они полны уважения к себе.

— Ты коренной москвич?

— Да, родился тридцать семь лет назад в роддоме на проспекте Мира и вырос в Старомонетном переулке, соединяющем Полянку и Ордынку.

— И как тебе нынешняя Москва?

— Ну, по плотности жизни и насыщенности ее всякими происшествиями она уже давно перегнала все столицы мира, и мне даже скучновато бывает в любимых моих скандинавских городах. Москва стала напоминать любой европейский мегаполис, это нормально... но тут, видишь, я как типичный Близнец опять расхожусь в оценках с самим собой. Почти все, о чем ты меня спросил, будь то российские «Вести» или власть рекламодателя, объективно хорошо, а субъективно — не очень. И Москва испортилась. Понастроили новых малоэтажных особняков, образ города пропал... Но надо вообще привыкать к тому, что хорошо бывает только внутри. Внутри семьи, квартиры, головы.

— Саш, неприличный вопрос: ты ведь толстый, да?

— Да, толстый. Не стесняюсь этого совершенно. С толстяком и время летит.

— Какие преимущества есть в полноте? То есть в толщине?

— Знаешь, этим совершенно дурацким вопросом ты меня впервые за всю беседу заставил серьезно задуматься. Я действительно никогда об этом не думал!

— Допустим, в голодное время ты дольше протянешь...

— Да, и это единственный плюс, который я могу придумать. Пять лет назад я решил серьезно заняться собой, приобрел тренажер и велосипед. С тех пор каждое мое утро начинается с тренировки и велосипедного маршрута. И тут происходит вечное Близнецовое раздвоение: субъективно я стал чувствовать себя гораздо лучше, а объективно прибавил пять килограммов.

— Ну, будем считать, что это мышечная масса.

— А я всем так и говорю. И ты говори. ■

а что еще?

Любимое творение Александра Гуревича — программа «Большой вопрос» сначала была поставлена на очень неудачное время: на пятницу, конец дня, когда все уже не на работе, но еще не дома. Тогда «Большой вопрос» перенесли на воскресенье в 12.30, и рейтинги его сразу взлетели. Почему? На этот вопрос легко ответить, если включить в это время свой телик.

Вторую передачу, о которой идет речь в беседе, можно посмотреть в субботу в 11.30. Пару лет назад, кстати, команда «Собеседника» выиграла в «100 к 1» у команды КВН, которую возглавляла Татьяна Лазарева.